

ДИНА РУБИНА

ЯБЛОКИ ИЗ САДА

ШЛИЦБУТЕРА

Дина Рубина

Яблоки из сада Шлицбутера

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Яблоки из сада Шлицбутера / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-148203-9

«В те годы я часто летала в Москву. Почему-то мне было необходимо глотнуть керосиновых вихрей Домодедова, домчаться на экспрессе в город, представлявшийся мне тогда центром мироздания, и с неделю примерно заниматься чепухой: слоняться по редакциям, заскочить раза два в какой-нибудь нелучший театр на случайный спектакль, вечерами околачиваться в прокуренном Доме литераторов и напоследок истечь пбтом в давилъне ГУМа, выполняя заказы друзей и соседей...»

ISBN 978-5-04-148203-9

© Рубина Д. И.

© Эксмо

Дина Рубина

Яблоки из сада Шлицбутера

В те годы я часто летала в Москву.

Почему-то мне было необходимо глотнуть керосиновых вихрей Домодедова, домчаться на экспрессе в город, представлявшийся мне тогда центром мироздания, и с неделю примерно заниматься чепухой: слоняться по редакциям, заскочить раза два в какой-нибудь нелучший театр на случайный спектакль, вечерами околачиваться в прокуренном Доме литераторов и напоследок истечь потом в давилльне ГУМа, выполняя заказы друзей и соседей. Словом, зачем-то вычеркнуть неделю из своей тихой и толковой жизни.

Перед одним таким сумасшедшим набегом на Москву, когда весна переполнила мой южный город страстью рвущихся почек, когда не стало вдруг сил на ежедневное проживание в моей убогой келье времен первой оттепели и я срочно взяла билет на послезавтра, – перед поездкой позвонил мне знакомый литератор, парень свойский и приятный.

– Ты, говорят, в Москву летишь? – спросил он без акцента. Он и писал на русском языке, но странное дело: на бумаге узбекский акцент оживал и озорно витал над утомительно правильными фразами.

– Лечу! – крикнула я в трубку, вся уже устремленная в бестолковый гул Домодедова, в жадную радость ночных московских разговоров.

– Не в службу, а в дружбу, а... – сказал он. – Занеси мой рассказ в один журнал?

– Делов-то, конечно, занесу... – В те годы я охотно бралась выполнять любые поручения, сил было немерено. – Что за журнал?

– А знаешь, оказывается, есть журнал на еврейском языке. Хочу им один свой рассказ предложить.

От неожиданности я замолчала.

– Понимаешь... – торопливо заполнял неловкую паузу мой знакомый, – их должно заинтересовать. Рассказ – не буду кокетничать – гениальный. На еврейскую тему... – И, поскольку недоуменная пауза на моем конце провода все длилась, он пояснил: – Это про нашего соседа дядю Мишу, сапожника. Я ведь в махалле вырос, у нас там кто только не жил. Сосед, дядя Миша, смешной такой мужик, еврей... Их должно заинтересовать. Это на тему дружбы народов. Сейчас, сама знаешь, придают большое значение... интернационализм, то-се...

– Понятно, – сказала я наконец. – Но разве журнал выходит не на языке идиш?

– Переведут! – вдохновенно заверил он. – Это в их интересах! Там такой махровый интернационализм! Переведут. Скажешь, расходы за мой счет.

– Ладно, – сказала я и, не удержавшись, осторожно добавила: – Неожиданная, признаться, сторона твоего творчества. Чего это ты?

– Захотелось, – доверчиво объяснил он. Парнем он был бесхитростным.

Я прочла этот рассказ в самолете. Отчасти из-за любопытства, отчасти из-за того, что забыла прихватить какое-нибудь чтиво, а мне во время полета необходимо отвлекаться. Дело в том, что обычно в середине пути, где-нибудь над Аральским морем или пустыней Каракумы, когда бортпроводница убирает поднос с едва укушенным огурцом желчного цвета, а дремота морит заложника «Аэрофлота» и мотает его бедную голову по продуманно неприятной спинке кресла, в этот самый момент одна дикая мысль с наивной простотой и шизофренической ясностью посещает меня. Как это, в сущности, странно, думаю я, непостижимо... Так высоко... Я, еще земная до земной дрожи в коленях, до земной тошноты в груди, – как я смею появляться здесь до срока и глядеть в круглое оконце живыми чуждыми глазами на этот слепящий покой? Что мне нужно? Земной пустяк: переместиться как можно быстрее из одного края страны в другой. Зачем? За земными пустяками... Как же я смею, думаю я, греметь, сотрясать, рвать

в ключья тупым земным орудием эту юдоль другой моей жизни? Как смею так нагло забегать вперед и срывать глупой шкодливой рукой это покрывало?

Словом, в самолет я беру обычно хороший детектив. А в тот раз, забыв дома книгу, волей-неволей потянула из сумки красную папку с рассказом ташкентского прозаика и довольно быстро прочла его. Этот рассказ «на еврейскую тему» оставлял довольно живое впечатление. Написан был он в форме монолога. Сапожник-еврей забегает на минутку к своему соседу, узбеку. Несколько фраз на бытовые темы, и – слово за слово – сапожник вспоминает всю свою жизнь, трагикомичную, как это водится у подобных персонажей, и делится с другом-соседом своими бедами, в частности такой тяжелой бедой, как отъезд беспутного сына в Израиль.

На этом месте я поняла, что с рассказом все будет в порядке, его напечатают. Я аккуратно завязала тесемочки на красной папке, спрятала ее в сумку и наклонилась к иллюминатору. Самолет, содрогаясь, висел над глазурированной равниной облаков, выпирающей там и тут слепящие под солнцем сахарные головы. Это хорошо, подумала я машинально, это надо запомнить – сахарные головы облаков...

Да, я не сомневалась, что рассказ моего знакомого опубликуют, и именно в еврейском журнале.

Любопытное то было время: изображать евреев в текущей литературе считалось не то чтобы запретным, но нежелательным, а лучше сказать, не совсем приличным. Если сравнение перевести в плоскость кожно-венерологическую (а оно почему-то просится именно в эту плоскость), то так примерно: не сифилис, нет, но неприятный некий грибок.

Во всяком случае, в одном популярном журнале как раз в эти годы целомудренный редакторский карандаш переправил в моем рассказе балбеса Семку Бухмана на балбеса Петьку Сидорова.

По врожденной дотошности некоторое время я пыталась выяснить мотивы национального перерождения героя и решила, что объяснить это можно всяко: например, попыткой редактора заверить читателей, что Бухманы в нашей местности не водятся; а может, попыткой спасти репутацию автора, которого кто-то из читателей мог незаслуженно заподозрить в симпатиях к Бухману, хоть и балбесу. Наконец, это можно было расценить как намек: мол, не хватало Бухману быть ко всему еще и балбесом.

В другом рассказе редакторская рука, не дрогнув, вычеркнула имя Лазарь, тем самым отказав персонажу в самом факте существования. Лазарь приказал долго жить, зато в мое гражданское мировоззрение влилась дополнительная струя иронии.

И только в одной ситуации герою позволялось быть евреем: когда он клеймил тех предателей и подлецов, которые, бросив Родину, уезжают в Израиль. Тут у героя открывались безбрежные возможности для монологов, диалогов и эпилогов, тут он узлом завязывался, чтобы доказать свою преданность отчизне, свою ненависть к изменникам и свое заветное желание как можно меньше самому быть евреем, и если Родина позволит, то и вовсе отвести от себя эту неприятность.

Словом, ту эпоху уже назвали эпохой застоя, и я, чувственно воспринимая мир, представляю себе некое огромное, неопрятное, лежачее тело общества, по жилам которого вяло течет застойная кровь, бессильная снабжать сосуды мозга для полноценной деятельности.

Конечно, в нынешнюю прекрасную эпоху повальной гласности дело обстоит иначе. Например, недавно в одном передовом журнале, широко внедряющем идеи демократизации в различные слои общественного сознания, мне предложили даже поменять в рассказе Петрова на Шапиро! Но... характер ли портится с годами, усталость ли, побеждая молодую иронию, точит душу – только я не приняла столь дорогого подарка. Тогда, уже в гранках, два молодых, смысленных и очень прогрессивных редактора переплавили неприкаянного Петрова-Шапиро в нейтрального Хабибулина...

О, отечество мое!

Редакторские манипуляции с фамилиями героев невольно напоминают мне историю переименования одной нашей семейной вещицы, а именно – глиняного дракона с клыками и вываленным, как у забегавшейся таксы, языком; дракона с интимной домашней кличкой Сашка Ибрагимов.

Ибрагимов крепко стоял на телевизоре четырьмя приземистыми, как у таксы, лапами, под одну из которых – левую заднюю – обычно подсовывали нужные бумаги: рецепты, справки, а также трешки и пятерки на хозяйственные нужды.

Ибрагимов довольно долго носил звучное тюркское имя, пока мой сын не вступил в полосу освоения непечатных выражений. Это была довольно тяжелая полоса в жизни семьи, когда за диванами и шкафами то и дело обнаруживались нацарапанные на обоях словеса. «Заведи тетрадь, – в сердцах посоветовала я своему второкласснику, – и пиши в ней на здоровье!» Тетрадь он завел, но непечатные вопли души иногда вырывались из тетрадного плена на волю. Однажды, вытирая с Ибрагимова пыль, я обнаружила на задней левой лапе чернильную надпись: «Сукин с.».

– Ты глуп, – горько сказала я паршивцу, – можно было толковее зашифровать, например – «С. сын».

Стоит ли говорить, что бедный Ибрагимов сразу переименовался в Сукина Эса, тем самым приобретя турецко-китайский колор. Со временем он вообще плавно перетек в латиноамериканского, а то и мексиканского, если не испанского Сукинеса:

– Куда я справку ту подевал, из ЖЭКа?

– Посмотри под Сукинесом.

Весна в тот год – буйная, душная – навалилась на Москву слишком рано и грубо, как после свадьбы жених, одуревший от ожидания. Волоча тяжелую сумку к остановке рейсового экспресса, на ходу расстегивая пуговицы дубленки, я кляла погоду, себя, а заодно и родителей, уговоривших меня надеть этот чертов тулуп: «Москва тебе – не Азия, там как ударят заморозки...»

Сейчас уже не помню, кто привез дубленку из степных просторов Краснодарского края, который, как известно, славится животноводством. Дубленка оказалась хитрой, с двойным дном: сверху – восхитительно натуральная, из мягкой, хорошо выдубленной замши, она выглядела довольно элегантно. Снизу же, то есть изнутри, то бишь со стороны меха, – меха не было. Вместо благородной овчины сноровистые артельщики вшили подкладку из какого-то начеса, откровенно смахивавшего на вату. Венчал все это хозяйство воротник из искусственного меха с наивной блестящей, и когда воротник поднимался, он окружал мою голову достаточно пошлым ореолом романтичности.

У меня даже есть фотография, где я снята в дубленке с поднятым воротником, вполне удачная фотография, «характерная», на фоне осенних деревьев, я там похожа то ли на чилийскую патриотку в неблагоприятных условиях подполья, то ли на белогвардейскую контру перед расстрелом, исторически оправданным. Во всяком случае, несколько лет эта фотография предваряла мои публикации, даже заграничные. А если еще добавить, что недавно дубленку целую зиму носила в Москве англичанка Розамунд Барнет, неосмотрительно приехавшая в Россию на зиму глядя в твидовом пиджаке, – можно сказать, что сей тулуп имеет свою душевную историю.

Сейчас, зимами, дубленка висит в углу прихожей: я надеваю ее, когда нужно съездить за картошкой на Бутырский рынок.

Но в тот год легендарная дубленка была только куплена, и, хотя за три месяца зимней носки вата на ее подкладке уже свалилась в грязные комья, сверху все выглядело вполне респектабельно.

Задача заключалась лишь в том, чтобы в присутственных местах сидеть, аккуратно запахнув полы, а в гардеробах игнорировать гримасы гардеробщиц, имеющих скверную привычку бросать на барьер одежду подкладкой вверх...

Подкатил автобус. Кондукторша с красной сумой на толстом животе обилетила уморенных банным теплом пассажиров, автобус вырулил на шоссе, разогнался, посыпались в окне березки-спичечки, и – воронка московской жизни завертела меня, втянула, всосала и выбросила только через неделю, после особенно длинного, морочного и никчемного дня, начатого в Доме литераторов, а законченного где-то на задворках Измайлова, в тесной и захламленной квартирке модного режиссера, на день ангела которого привели меня друзья...

...Утром, натягивая свитер, пропахший вчерашним сигаретным дымом, морщась и чихая, я думала: ну, довольно свинства, целая неделя сдохла, хвост облез, и за каким рожном надо было сюда приезжать – неясно.

Укладывая вещи в сумку, я наткнулась на папку с рассказом ташкентского прозаика, и тогда только вспомнила, что должна еще заскочить в какой-то (черт бы его драл, а заодно и меня, с моими обещаниями!) еврейский журнал, значит, вылететь сегодня едва ли удастся.

Не переставая чертыхаться, я обзвонила московских приятелей – никто понятия не имел, где находится эта редакция. Наконец кто-то вспомнил улицу... Да, кажется, там, номера только не знаю, иди и смотри на вывески...

Напялив все ту же дубленку, с сумкой потащила я на аэровокзал за билетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.